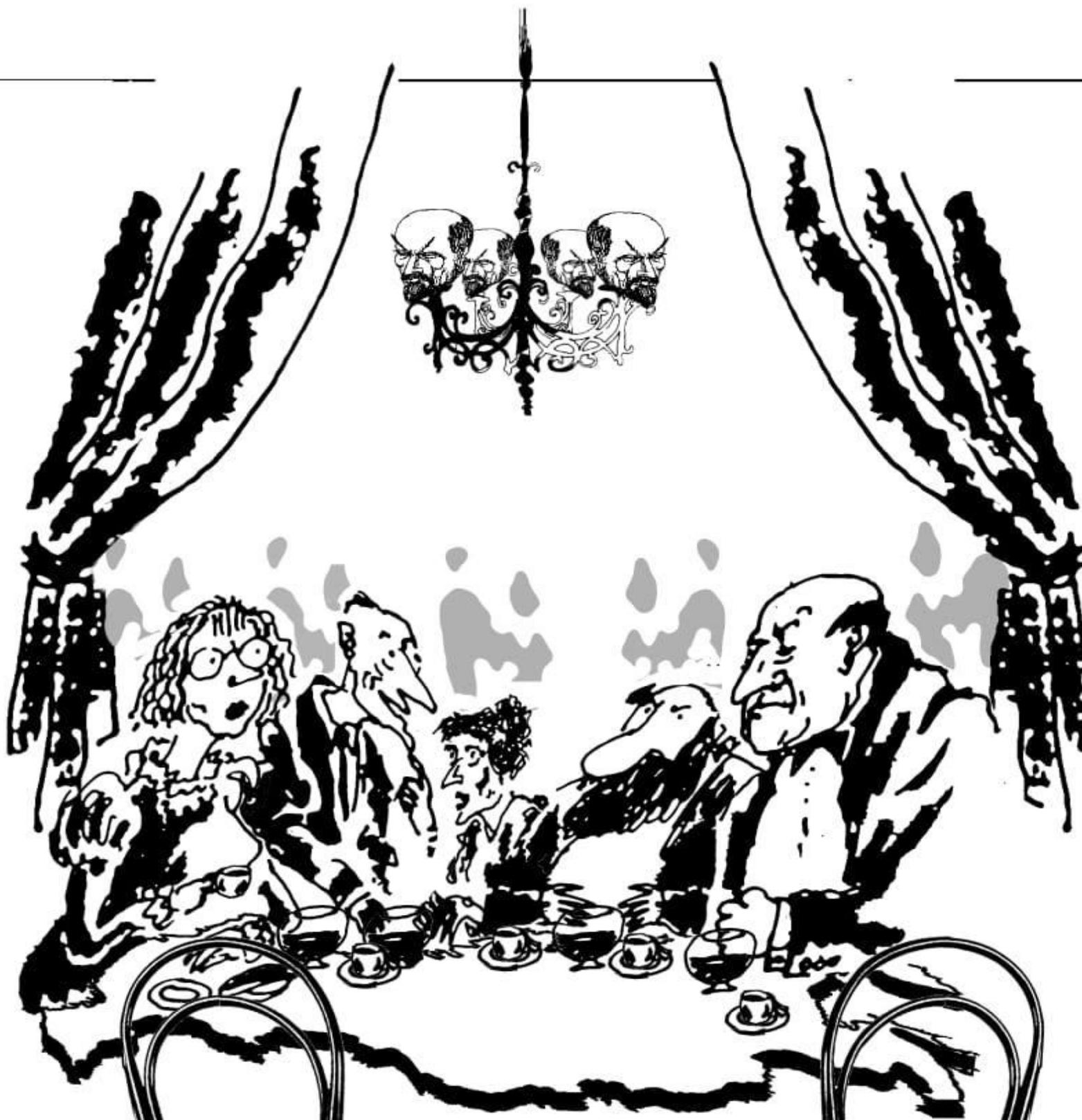

Central

Семен Грила

Central

Глава первая

Central был, как всегда, полон туристов. Место суетное. Как, впрочем, и сто лет назад. Вена толерантна и всеядна. Поэтому здесь и ОПЕК, и любая оппозиция любым режимам. Вена – Швейцария смыслов. Вот и теперь – снова и опять. Русские в Вене и в оппозиции. А кафе Central – символ. Впрочем, уже и непонятно, чего. Возможно, ощущения возможного. Мечта о власти. У них получилось. Чем мы хуже. Ну, как-то так примерно.

Было 11, и Крюков опаздывал. Он должен был приехать из Берлина. А Гризодубова ела уже второй эклер. Она любила эклеры. Этот Крюков – тот еще паразит, думала она. В России они не любили друг друга. А теперь приходится общаться. Но это лучше, чем общаться со всевозможными засланными казачками системы. Впрочем, ухмыльнулась она, кто из нас не казачок? Как потерять. Но

Крюков – точно нет. Бэкграунд не тот. Годы в изоляции, годы безрезультатной мести. Своеобразный взгляд на происходящие процессы от этого – ну, тут ничего не поделаешь. Но зато искренний. Может, денег на журнал даст.

Глава вторая

Крюков наконец явился, спас ее от третьего эклера, боялась не совладать. С собой. Он был скуп в словах и движениях. Приволок с собой ответственного за пропаганду и агитацию журналиста Спирина. Тот был гибок телом и легок в словах. Своих настроений не имел. Для рода своих занятий считал это отягощением. Зато знал много книг и еще больше людей. Практически все журналисты, уехавшие на Запад, теперь контактировали с ним.

Они уселись. Заказали кофе. Подумали – и заказали коньяк. Гризодубова, впрочем, отказалась.

– Ну, – спросила она Крюкова, – как живы-здоровы? Какие планы?

– Это у вас в Америке планы, – ответил Крюков, – а мы все в борьбе. У нас каждый день скандалы. Не можем поделить, кто будет кем, когда надо будет невесть откуда взявшуюся власть делить.

Спирин заржал:

– Ну да, кто правит – главный вопрос.

Крюков снял пиджак:

– Вы позволите?

Она махнула рукой:

– Вы же уже, чего теперь позволять – не позволять. Вы мне лучше скажите, как вы будете объединяться или размежевываться.

Дух Ленина метался по кафе.

Глава третья

– Мы еще кого-то ждем? – спросила она, вернувшись из дамской комнаты.

– Да, мы ждем неистовую Веру и этого клоуна – Ширинкина, – ответил Крюков. Хочу послушать их рассказ про организацию пропаганды среди россиян. Это старая ахиллесова пята русской оппозиции – связь с территорией. Всегда отдельно, всегда сами по себе даже в России, не говоря уже как теперь. Они раскачивают нас, вместо того чтобы раскачивать там. Грузят и грузят вместе с этими чертовыми двустволками. Ну, ты знаешь их: один – твой друг кудрявый и всеобщая гламурная подруга.

Гризодубова нахмурилась.

– Иди в жопу, они совсем не мои, как и ты и прочие, – она махнула рукой в зал.

Стоял шум и гам.

– А вот пишут: рядом, – сказал Спирин, глядя в телефон. – Пойду встречу.

Он ушел в своих брючках и коротеньком пиджачке – прям как сто лет назад.

Глава четвертая

Ширинкин с огромной бородой и пузом был прям как купчина или русский писатель, а Вера была миниатюрная и изящная. Бывает, знаете ли, так: маленькое, но всё немного не так. Непомерно или неравномерно. В целом нелепо, хотя и мило. Все шумно обнимались, даже Гризодубова. Расселись. Помолчали.

Вера начала рассказывать про последние информационные удары по режиму, Ширинкин кивал, Спирин щурился, а Крюков отстраненно блестел очками.

– Вот как-то вы все без сердца это делаете. Вы слишком холодны для революции, – вдруг перебила ее Гризодубова. – Прямо Ленин с Троцким, но не Сталин, конечно.

Спирин посмотрел на Крюкова. Он знал, что тому не нравится холодность. Он много страдал и теперь предпочитал людей неравнодушных, пусть неумелых, ошибающихся, но искренних. Но не упертых в хорошем смысле. Теперь же Крюков продолжал молчать, и Ширинкин, обращаясь к Гризодубовой, сказал:

– Ну ладно вам, Софья Павловна, на пустом месте. Верочка так старалась, мы все старались. Знаете, какой отклик в России.

– Знаем, – встрепенулся вдруг Крюков. – Никакого!

Глава пятая

– Окей, я уйду сейчас, это невыносимо, я столько сил положила на все это, а вы! – Вера наигранно ломала руки. – Но перед уходом скажу. Это вы и ваши жирные коты съели все наследие советских людей и продолжаете есть. А они живут, как жили. Ленин в мавзолее, и за компартию можно голосовать. Вы заигрываете со всеми подряд, желая занять лучшую стартовую позицию, когда начнется забег. Навыдавали векселей. И теперь сидите такие. А я, а мы пытаемся расчистить людям мозги и дать им шанс принять решение, может, первый раз самостоятельное.

– Это вы-то! – Гризодубова задохнулась, Спирин захихикал, Ширинкин ткнул его в бок.

– Ну-ка тихо там, потасовки только не хватало на глазах, – холодно сказал Крюков. Все успокоились.

Вокруг шумели посетители, бегали официанты, а за столом оппозиции было тихо. Помолчали. Потом Крюков попросил официанта посчитать. А потом Спирин предложил вечером пойти в

оперу. Давали «Тоску». Он обещал билеты: старый друг был в билетной мафии.

– Встретимся перед главным входом за полчаса. Или хотите – в «Захере» за час до начала. Пирожное и шампанское.

Все расслабились, заулыбались и согласились.

Глава шестая

Вечер. Отель «Захер». Одетые в оперу мужчины и женщины пили шампанское, мимо шли люди, подъезжали машины. Вечерняя венская жизнь только начиналась.

Спирин не подвел. Были и билеты, и шампанское. Настроение компании улучшилось, хотя и напускная суровость не отпускала некоторых ни на минуту.

– Так что – вы продолжаете сотрудничать со всякими? – спросила Вера, сверкая глазами.

– Да, продолжаю, – ответил Крюков. – Я пытаюсь не допустить дрызг внутри, а вы мне мешаете. Вы пытаетесь доказать, что есть чистые и нечистые. Я же считаю, что чистых нет и полезны все, кто – неважно, из каких соображений – готов работать против режима. Или хотя бы помогать.

– Да вы еще хуже, чем я думала, – фыркнула Вера и встала.

– Пойдемте в зал, – примирительно сказал Спирин. – Пойдемте. Атмосфера все исправит. «Тоска», как говорится, не тоска.

Боже, какой же Спирин пошлый, подумала Гризодубова, вставая. Хотя где бы ты была со своими эклерами, если бы не он.

– Пошли-пошли, – вслух произнесла она.

Глава седьмая

Ширинкин не смотрел на сцену. Он, честно говоря, терпеть не мог оперу. Он был не в силах разобрать слова, а слащавые сюжеты претили его простой душе. Он хотел подвигов и славы, но чтобы их совершал кто-то другой, а он являлся весь в полосах софитов и получал лавры. Такой мир был для него. И он старался вовсю.

Сейчас его мысль напряженно вертелась вокруг главной текущей задачи: как не потерять проекты Верочки и быть полезным Крюкову. И, что еще важнее, – как занять место Спирина. Как его скомпрометировать так, чтобы от него отказался Крюков и кто-то порекомендовал Ширинкина.

Ну, допустим, Гризодубова могла бы порекомендовать. Крюков ее любит. Но как сдвинуть Спирина? Он осторожный и не раз битый прохвост. Прямо проблема проблем. Ладно, пока можно поплотнее дружить с Гризодубовой, а там война план покажет. Надо, чтобы у нее появились сомнения в прочности ее положения. Это неплохой дебют. И Верочка его беспокоит. Она действительно превратилась в неистовую Веру, и с ней становилось все трудней, он ее боялся. Она лишала его влияния, она была фанатичкой и, как всякий фанат, легко распознавала не своих. Он был на грани.

Глава восьмая

Они все меня считают сумасшедшей самолюбивой дурой, рвущейся к власти, думала Вера о себе и о сущности своих усилий, слушая прекрасное бельканто немолодой уже певицы. Они не понимают, ведь я хочу очистить авгиевы конюшни, чтобы они потом могли спокойно начать строить что-то прекрасное наконец. Другой вопрос, конечно, справедлив: ломать не строить. Созидание – процесс незнакомый для всей этой шоблы. Так же начнут всё таскать. Но уж с этим-то я справлюсь. Нам бы рычаги. Побольше. И побыстрее. Жизнь проходит, как вот у этой: «Почти прошла», поет

она, а думает, как внукам ипотеку заплатить или сына с иглы снять. У всех земные проблемы.

Еще эти туфли – зачем я их надела, ведь знала, что жмут. Да ладно, к черту всю эту белиберду. Надо как-то Крюкова унять, Ширинкина я смогла же. Хотя с Крюковым, конечно, проблема посложнее. Да когда же антракт, в конце концов!

Глава девятая

Крюков оперы не понимал, но любил. Театры, кулисы, блеск, публика. Это он просто казался таким нелюдимым отшельником, а на самом деле любил все это, и пирожные тоже любил. Он смотрел на сцену и думал: как надоела эта игра в системность, в визуальность присутствия в повестке, в создание нарратива. Все это было чуждо ему. Он любил простор и волю, его еще в советское время заебали эти посиделки с коллегами – пьянки Бари и разврат. Сплошная погань, глупость и жадная тупость вокруг.

Ему надо было как-то однозначно авторизоваться, вернуть допотопный – его допотопный – период. Быть преемником. Общепринятым. Сформировать правительство в изгнании и работать. Работать, а не вот это всё. Фиглярство, фарисейство, лживые пустые разговоры, нелепые позы. Улыбки невпопад. Как это все осточертело.

Его неожиданной проблемой стала Вера – неистовая, страстная. Все думали, что она – проблема для его власти, но дело обстояло много хуже: он влюбился. Влюбился – и теперь, как зайчик, прижимал уши, когда видел ее даже в твиттере. Это его бесило, потому что он не знал, что с этим делать. Его тянуло к ней. Но что дальше, он не знал.

Глава десятая

Гризодубова видела «Тоску» десятки раз. Это все, что она про это могла сказать. Еще она понимала, что у банды проблема. Банда не была бандой – не было химии. А она любила, когда химия. Она была неумной, но она была опытной. Конфигурация требовала уточнения, и это ее пугало. Она не понимала, сколько продержится Спирин и что будет с ней, когда его сменят. Вроде Крюков ее нормально воспринимал, но бог знает, что ему наговорит сменщик Спирина. Отставит сразу.

Что делать? Если бы распознать заговор и примкнуть. Или совершить подвиг. Поехать в Россию? А вдруг посадят? Так мгновенно превратишься из спекулянта в инвестора с неизвестным сроком ожидания. Еще эта Вера. Ну заебала реально. Лишает уверенности. Гризодубова боялась ее. За каким хреном я надела эти кринолины? Все натерто, я ни во что не помещаюсь. Черт бы их побрал с этой Верой и с этим никчемным стремлением быть европейцами. Ах, какие мы светские. Тьфу. Слава богу, кончилось.

Глава одиннадцатая

На выходе в фойе их поджидал Спирин. Интересовался, как понравилось. Все рассеянно кивали и что-то бормотали. Всем хотелось побыстрее расстаться. попрощались. Постояли. Договорились встретиться утром. Серьезно поговорить.

Крюков сказал, что заказал переговорную. Опять помолчали. Покивали и разошлись. До завтра.